ствовавшего в фольклоре произведения, а как вполне литературный сюжет, созданный на основе былинных образцов.

Другой эпизод в «Сказании о Мамаевом побоище», который обычно ставят в связь с народно-поэтическими традициями, — это рассказ о поединке инока-богатыря Пересвета с татарским исполином, предшествующем битве.[12] Вот одна из типичных разработок этого рассказа: «Выеде злыий печенег из великого плъку татарьскаго, пред всеми мужеством являяся, подобен бо бысть древнему Голиаду, пяти сажен высота его, а трех сажен ширина его. Видев же его Александр Пересвет старец, иже бе в плъку Владимера Вселодовича и двигьнувся ис полку и рече: „Сей человек ищет подобна себе; аз хощу с ним видетися". Бе же на главе его шелом архангельского образа въоружен скимою повелением игумена Сергиа, и рече: „Отци и братиа, простите мя грешнаго, брате Андрей Ослебя, моли бога за мя, чаду моему Иакову мир и бласловение". Напусти на печенега и рече: „Игумен Сергий, помогай ми молитвою". Печенег уже устремися противу ему. Христане ж вси въскликнуша: „боже, помози рабу своему". И ударишася крепко копии, едва место не проломися под ними. И спадше оба с коней на землю и скончашеся» (Шамбинаго, стр. 65).

Сквозь довольно густой слой религиозно-благочестивого повествования отчетливо может быть выявлено героическое зерно рассказа: татарский исполин перед боем вызывает из русского войска поединщика; на вызов откликается богатырь Пересвет. Противники вступают в бой, и оба гибнут в единоборстве.

Эпизодами поединков русского богатыря с врагами изобилует русский эпос. Бьются Добрыня со Змеем, Илья Муромец с Сокольником, Илья Муромец с Мамаем (Калином), Алеша с Тугарином и т. д. В некоторых случаях поединок начинается по инициативе врага (ряд вариантов былины «Илья Муромец и сын»). Довольно обычен в былинах мотив, когда татарский посол, являясь в Киев, передает требование Калина (Батыги, Мамая и т. д.) к князю Владимиру выставить поединщика (Гильфердинг, I, № 66; II, №№ 170, 181; Григорьев, III, №№ 369, 415; Миллер, № 47). Однако ни один из случаев, известных в былинах, не является аналогией к эпизоду в «Сказании»: в былинах о татарском нашествии фактически происходит не поединок, а уничтожение богатырем (или богатырями) вражеской силы; в русском эпосе совершенно невозможен мотив одновременной гибели русского богатыря и его противника. Думаем, что данный сюжет пришел в «Сказание» не из эпоса. Скорее всего он пришел из устных рассказов (которые могли и не получить завершенной формы), окружавших Куликовскую битву. Этот рассказ приобрел законченную художественную форму, по-видимому, на страницах «Сказания». Вполне оправданным является то, что автор (или один из поздних редакторов) осмыслил эпизод в эпическом плане и внес в него отдельные детали, характерные для былин. В процессе жизни памятника доля эпического менялась в ту или другую сторону. Так, в одном из списков татарскому исполину приданы черты былинного Идолища:

---

[12] Шамбинаго, стр. 176; В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, II. М., 1910, стр. 371—374; Л. А. Дмитриев. 1) Сказание о Мамаевом побоище. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953 (рукопись); 2) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. В кн.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 435; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 130.